1
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
С.С.С.Р.
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№ 11

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

НОЯБРЬ
1948

Е. ТРУТНЕВА

Государственная ордена Лен. БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
Н-49-1166

Рис. В. КОНОВАЛОВА

ПИОНЕР ВАНЯ АНДРИАНОВ

Зимний вечер лёг на плечи сосен.
Ветерок забрался в камыши.
Командир окурок в прорубь бросил
И сказал тихонько: «Не дыши...»
За рекой, за вётлами седыми,
На крутом, высоком берегу
Деревушка крышами своими
Чуть темнела в голубом снегу.
Немцы в каждом доме свили гнёзда.
Был приказ: врасплох застать врага.
Настывало. Стал колючим воздух.
Чуть крутились под ногой снега.
Конь не ржал, и петухи не пели,
Дети не смеялись у дворов.
Не успели замести метели
Чёрный след пожарищ и костров.
Месяца холодного подковку
Заслонил на берегу сарай.
Кто-то вскинул на ходу винтовку.
Вдруг ребячий голос: «Не стреляй!»
И мальчишка на пути отряда
Снежным комом у сугроба встал.
— Стойте!.. Не ходите!.. Тут
засада!..
Я следил!.. Я знаю... Я видал..

Протекла минута за минутой.
Сорвалась падучая звезда.
Каждый понял: мимо смерти лютой
Наш мальчишка прибежал сюда.
В этот вечер всё, как в сказке,
было:
Огороды, синие снега,
Проводник и нападенье с
тыла,
Бой в деревне и разгром врага.
В золотой, в счастливый день
Победы
В строй героев, в гордый
славный строй,
Вписано отчизной имя это —
Незаметный, маленький герой!

ОЛЕСЬ ДОНЧЕНКО *Рис. Ю. КОРОВИНА*

ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА

Давно это было, лет тридцать назад, да не тридцать, побольше. А я и теперь, как услышу песню жаворонка, так вспоминаю слепого кобзаря деда Коляду и его поводыря Устинку... И встаёт в памяти солнечный день, такой синий, такой прозрачный, что каждый звук казался мне серебряным колокольчиком.

За школьным садом лежало поле. Девятилетним мальчишкой я частенько заходил сюда поиграть оловянными солдатиками, и усатые колосья ржи не раз были молчаливыми свидетелями горячих боёв в чащах чебреца и белых ромашек.

А когда бывало наскучит игра, сяду на меже и, затаив дыхание, наблюдаю таинственный волшебный мир этого тихого уголка. Вот под кустиком синих васильков два навозных жука дружно катят круглый комочек. Не поладили, подрались... Я не вытерплю, вмешаюсь в их борьбу, тихонько пощекочу жёсткой травинкой одного и другого, и жуки разбегаются в стороны.

Чёрный сверчок высунул из норки кончики усов и выводит однообразную баюкающую песенку... Вдруг что-то сердито загудело, точно быстро закружилось колесо прялки. Ага, это шмель! Какой он смешной, мохнатый, в жёлтых штанишках! Вот он сел на чертополох, и весь цветок задрожал от маковки до ножки. А шмель порылся в густых тычинках, загудел и полетел дальше.

А как чудесно лечь на спину и, подложив под голову ладони, слушать песню жаворонка! Глаза напрасно ищут певца в небесной синеве. И, только притерпевшись к солнечному блеску, находишь среди ослепляющей голубизны маленькую птичку. Трепеща крылышками, она застыла на месте, и песня её заливает серебряными переливами мирное небо и разомлевшую зачарованную землю.

Однажды, когда я так лежал, слушая жаворонка, раздались чьи-то голоса. Двое подошли и сели на меже возле меня.

Это был слепец дед Коляда со своим поводырём — девочкой Устинкой. С детства слепой, он путешествовал с кобзой из села в село.

Жил Коляда в нашем же селе, и я хорошо знал его покосившуюся хату возле сельской кузницы.

Кобзарь был старый и седой; он ходил, всегда чуть приподняв голову, и казалось, что его глаза видят только высокое чистое небо.

Притаившись в траве, я прислушался к разговору.

— Слышишь, как поёт жаворонок? — спросил слепец у девочки.

— Его всё поле слышит, дедуся, — ответила Устинка.

— Ну, так расскажи мне, какой хоть он есть? — попросил кобзарь. — Вот протяну руку, а мне кажется, что его песня течёт по пальцам, и глазам становится теплее...

— Это такая птица... такая птица... — мечтательно сказала Устинка. — Он больше лебедя. Не знаете, какой лебедь? Большой, крылатый...

— А мне говорили...

— Э, нет, — твёрдо перебила девочка, — такой, как лебедь. Только крылья у него лёгкие, как пух одуванчика, и такие прозрачные что сквозь них видно солнце. Прозрачные и синие, как небо. Вы не знаете, дедуся, какое синее небо?

— Нет, знаю, — ответил, помолчав, слепец. — Летом у него ласковые ладони. Оно гладит мои щёки. Я слышу его тёплое дыхание, и тогда я знаю, что небо синее.

— Он весь, как синий лебедь, — продолжала девочка, — только зрячим нельзя на него смотреть, а то ослепнешь. Каждое перо у него, как огненная стрела. На жаворонка можно смотреть только слепому. Да слепой-то не может его увидеть...

Дед Коляда сидел рядом с Устинкой, высоко подняв лицо. Казалось, он видит в небе птицу ослепительную и прозрачно-синюю.

Старый кобзарь вытянул вперёд руку и слегка шевелил пальцами, словно перебирая ими звонкую песню жаворонка.

— А теперь я скажу тебе, дочка, про что он поёт, — неторопливо произнёс дед. — Ты видела пана Малинку, того, что сегодня чуть не наехал на нас конями? А знаешь, чьё это поле? Пана Малинки. На панской работе и мать твоя умерла в неволе. Как прогонят люди панов Малинок, тогда и придёт на землю святая воля-волюшка. Вот об этом, дочка, и поёт жаворонок.

— Дедуся, — спросила Устинка, — а тогда и жандармов не будет, тех, что вам не дают на кобзе играть?

— И их прогонят, детка.

Кобзарь с девочкой ушли, а я долго ещё лежал на траве и слушал песню жаворонка. Мне только обидно было, что девочка обманула деда. Ведь жаворонок — простая серая пташка, с хохолком на голове.

Вскоре я снова встретил кобзаря с Устинкой. Старик сидел возле ворот, а девочка пошла в хату принести ему напиться. Когда она возвращалась с полным ковшом, я загородил ей дорогу и тихонько, чтобы не услышал кобзарь, спросил:

— Ты зачем обманула деда? А? Я всё слышал, как ты ему про жаворонка наврала. Говори, зачем?

Устинка глянула на меня большими карими глазами.

— Чтобы легче было жить, — ответила она тоже тихо и серьёзно, как взрослая. — Мы хлеб горький едим...

Ответ поразил меня. Может, вправду есть такой особенный хлеб — горький, как полынь, и чёрствый... Мне случалось есть сырой хлеб, из которого можно лепить человечков, но горького хлеба я никогда не ел.

Я скоренько сбегал домой и тайком, чтобы ни мать, ни отец не заметили, отрезал чуть не половину пшеничной буханки.

Устинки с дедом у ворот уже не было. Они шли не спеша улицей: впереди босоногая девочка, за ней чуть боком, как ходят слепые, дед Коляда. На боку у него висела котомка, а сзади, за плечами, кобза.

Я догнал деда и неловко сунул ему в котомку хлеб.

— Это сдобный, не горький...

Слепец остановился.

— Спасибо, хлопчик, — сказал он. — Ты чей же будешь?

Он порылся в котомке и достал деревянную сопелку с дырочками.

— Вот смотри, какую я дудку сделал. Возьми, она звонко играет.

— Ой же звонко! — подтвердила Устинка.

Они пошли дальше, а я остался с сопелкой в руках. Скоро я научился играть на ней простые песенки.

Все ребята с нашей улицы завистливыми глазами смотрели на мой музыкальный инструмент, а я, признаться, задавался своей сопелкой: а как же, ведь сделал её и подарил мне не кто-нибудь, а сам слепой кобзарь дед Коляда!

И как же горько было мне, когда сопелка почему-то охрипла. Я не мог отыскать причины её болезни и решил сходить к старому кобзарю, чтобы он помог моему горю.

Вот и кузница, вот и покосившаяся хата. Тихо подхожу, останавливаюсь у порога. Может, хоть Устинка выйдет?

Тут за моей спиной раздался чей-то голос:

— А ты к кому, парень?

Я обернулся и увидел нашего кузнеца.

— Я к деду Коляде, — отвечаю. — Что, он дома?

Кузнец нахмурил брови и сказал:

— Иди-ка домой! Нет тут деда Коляды, жандармы ночью забрали.

— Что? — прошептал я и почувствовал, как сердце моё сжалось в комочек. — А Устинка?

— Устинку тоже забрали с дедом. Наверное, вышлют в Сибирь. Про волю рассказывал людям старик...

Я слышал и раньше, что жандармы хватали людей, сажали их в тюрьмы, высылали в Сибирь. Эта Сибирь казалась мне страной, где стоит вечная ночь, чёрная, как чернила, и где в непроходимых лесах ревут от страшного холода злые медведи.

Я кинулся через порог и очутился в маленькой хате с перекошенными окошечками. В ней никого не было. Возле стены одиноко стоял почерневший стол, рядом с ним валялась опрокинутая скамейка. Да ещё на припечке желтела груда битых черепков.

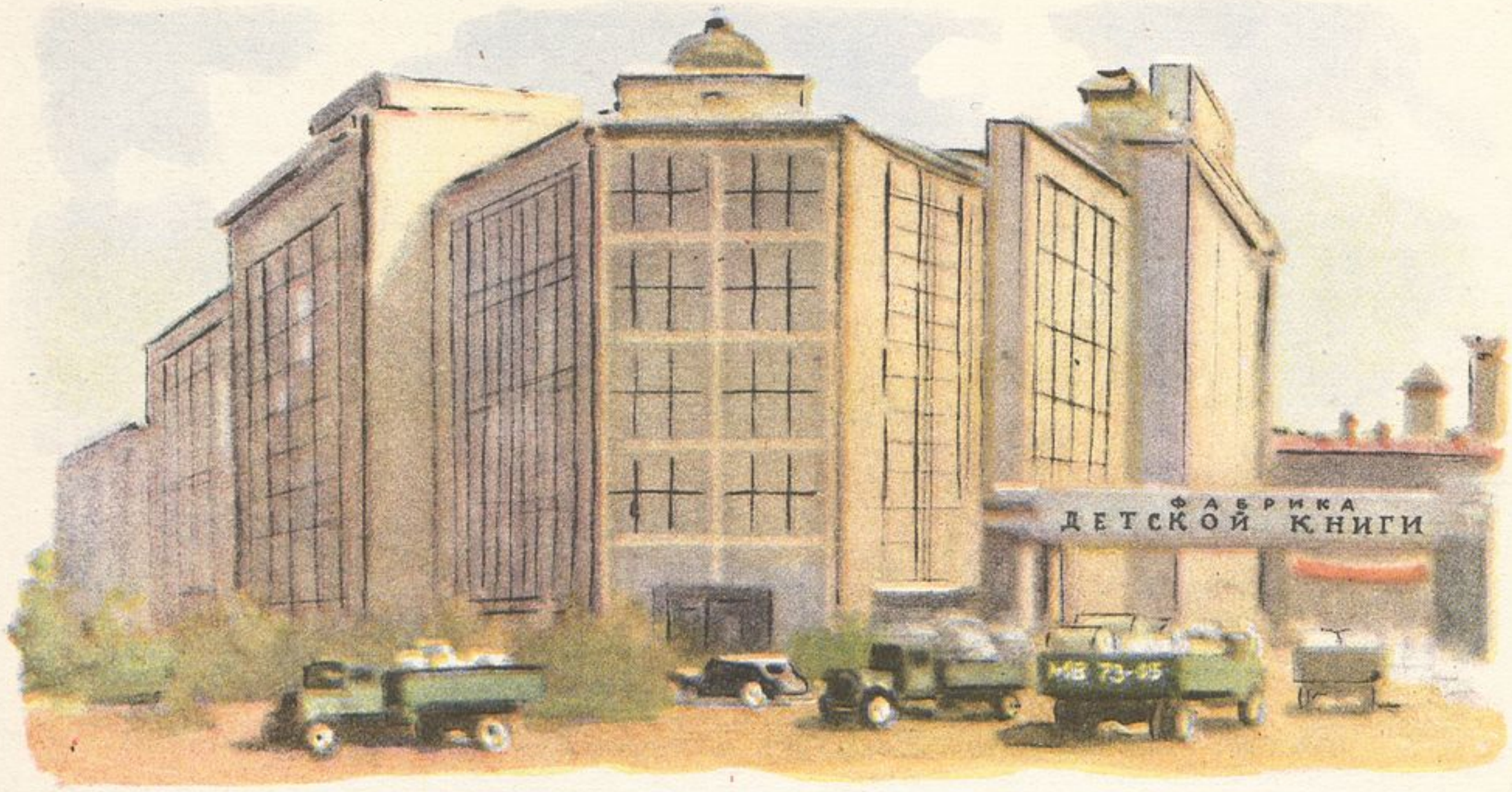
Не помню, как я оказался в поле, на меже, в своём заветном уголке. Я лежал среди согретой солнцем травы и плакал.

Вдруг знакомые серебряные звуки рассыпались в воздухе бесчисленными стеклянными колокольчиками. Я затих и поднял голову, прислушиваясь.

Это пел над полем, над густыми хлебами, жаворонок. Пахли мёдом красные чертополохи, усатые колосья ласкали моё заплаканное лицо. А жаворонок всё пел и пел, и я вдруг понял разговор, который недавно подслушал тут, на меже. И мне, девятилетнему мальчику, до боли захотелось, чтобы люди поскорее прогнали пана Малинку и жандармов.

...Много лет прошло с тех пор. Я уже вырос, и тогда только мне посчастливилось узнать про судьбу деда Коляды и его маленького поводыря. После революции он вернулся в родное село. Тут им построили новую хату. Устинка поступила в школу, училась, а потом и сама стала учительницей.

Перевод с украинского А. Некрасова.



С. МАРШАК *Рис. А. ЕРМОЛАЕВА*

Как печатали вашу книгу

Мне говорили много раз
Знакомые ребята:
— Стихи, пожалуйста, для нас
Скорее напечатай!

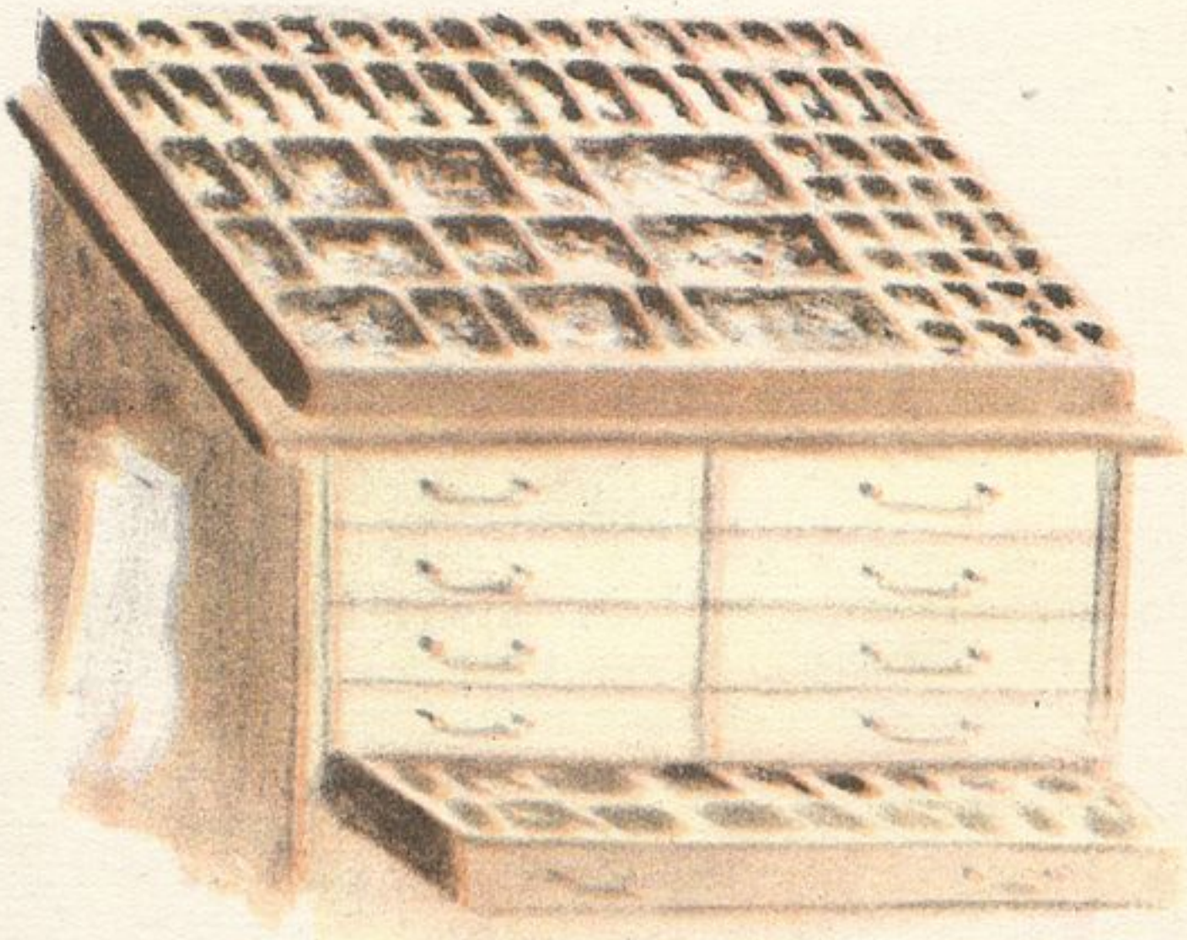
Я написать стихи готов,
Ребята дорогие,
Но не печатаю стихов, —
Печатают другие.

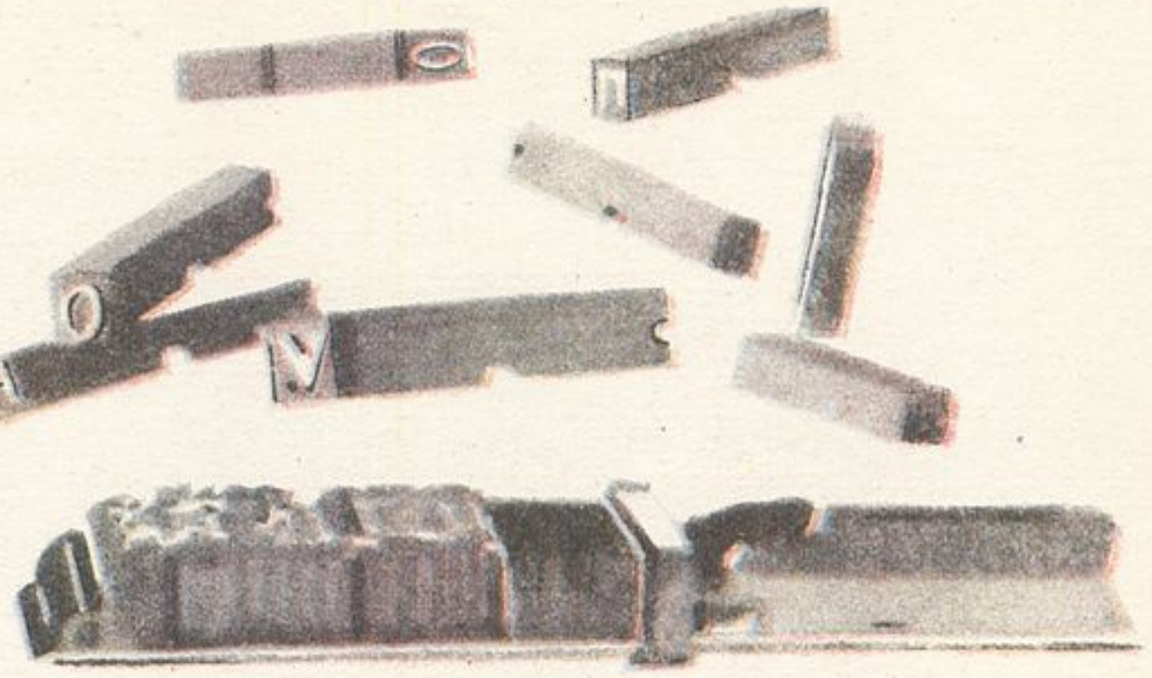
Я был на фабрике такой,
Где вам готовят книжки.
Там в самой первой
мастерской
Есть ящики без крышки.

Их люди кассами зовут.
В них буквы разные живут:
Свинцовые,
Литые,
Заглавные,
Простые.

На клетки ящик разделён,
По букве в каждой клетке,
И запрещает ей закон
Перелезать к соседке.

Наборщик знает, где какой
Хранится знак печатный,
Берёт наощупь их рукой
И ставит аккуратно.





Строка к строке, строка к
строке,
За рядом ряд ложится.
И вот сверкает на доске
Свинцовая страница.

Как полк солдат, в строю
стоят
Все буквы, цифры, точки.
И где стоит свинцовый ряд,
Там в книжке будут строчки.

Но утомителен для глаз
Наборный труд старинный.
Пускай работает за нас
Наборная машина.

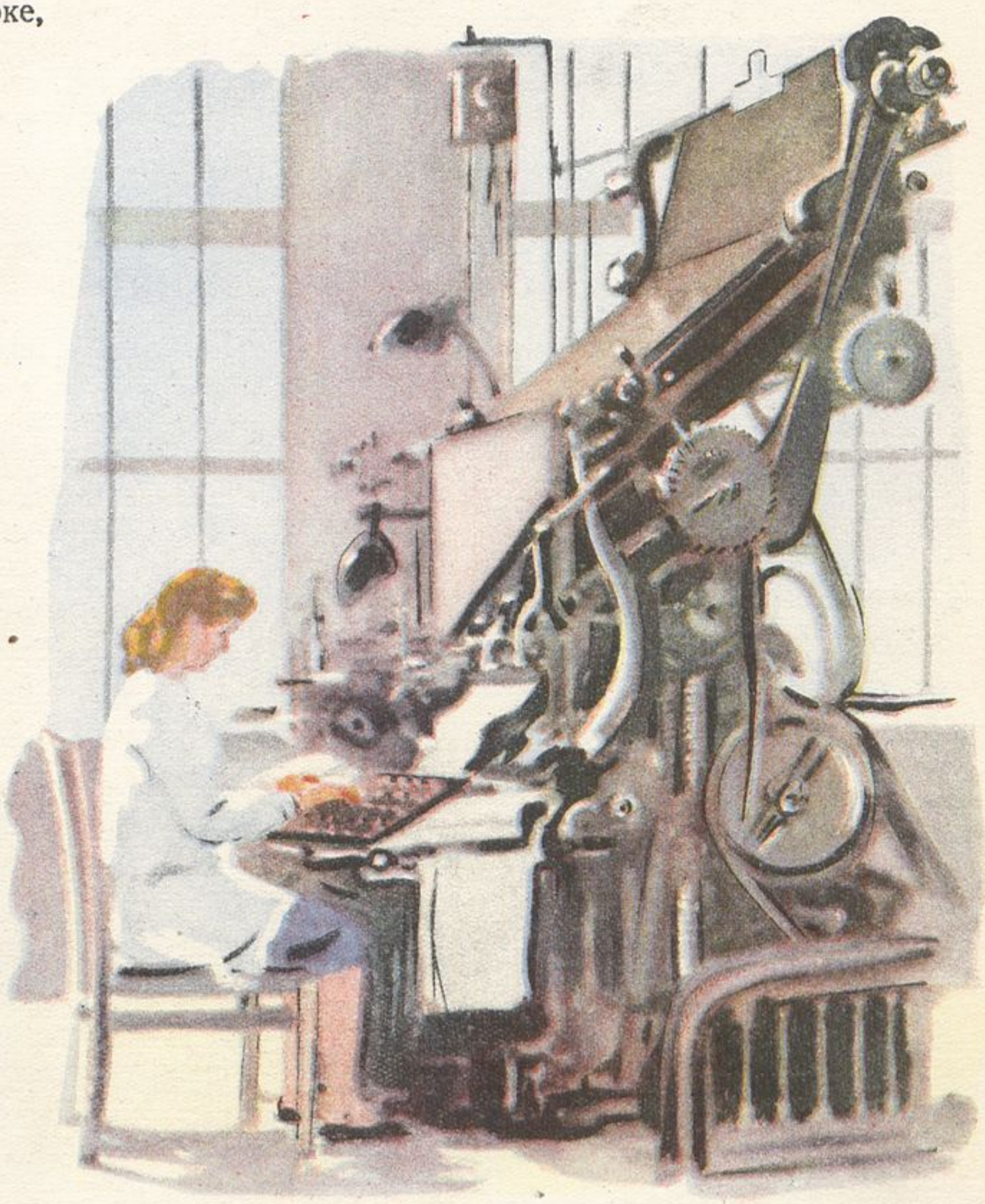
Она и строчки соберёт
И отольёт в пластинки,
А ты работаешь, как тот,
Кто пишет на машинке.

И всё же бодро до сих пор
Живёт на белом свете
Заслуженный ручной набор,
Проживший пять столетий.

* * *

Сейчас набор пойдёт в
печать,
В машину ляжет скоро.
Но прежде надо оттиск снять
С готового набора.

По строчкам валиком мазнут
И тиснут отпечаток,
Чтобы увидеть, нет ли тут
Ошибок, опечаток.



Но вот наборщик лист собрал,
Теперь страницы свяжет,
А уж в машине круглый вал
Их свежей краской смажет.

Пошла, пошла машина в ход
Бесшумным шагом скорым.
Бумага белая идёт,
Чтоб встретиться с набором.

Выходит комом первый
лист, —
Но это только проба.
Теперь, печатник-машинист,
Глядеть ты должен в оба!

Чтобы печать была чиста,
Красива и опрятна,
Чтоб на поверхности листа
Не появились пятна.

С бумагой встретится на миг
Набора лист свинцовый —
И уж страницы наших книг
Оттиснуты, готовы.

Взяла машина лист простой
И наложила краску —
И вот писатель Лев Толстой
Рассказывает сказку.

Хоть у машины нет ума,
Машина знает дело:
Листы нарежет вам сама
И сложит их умело.

А цех соседний их сошьёт,
Края обрежет мигом.
Потом оденет в переплёт,
И вот пред вами — книга!

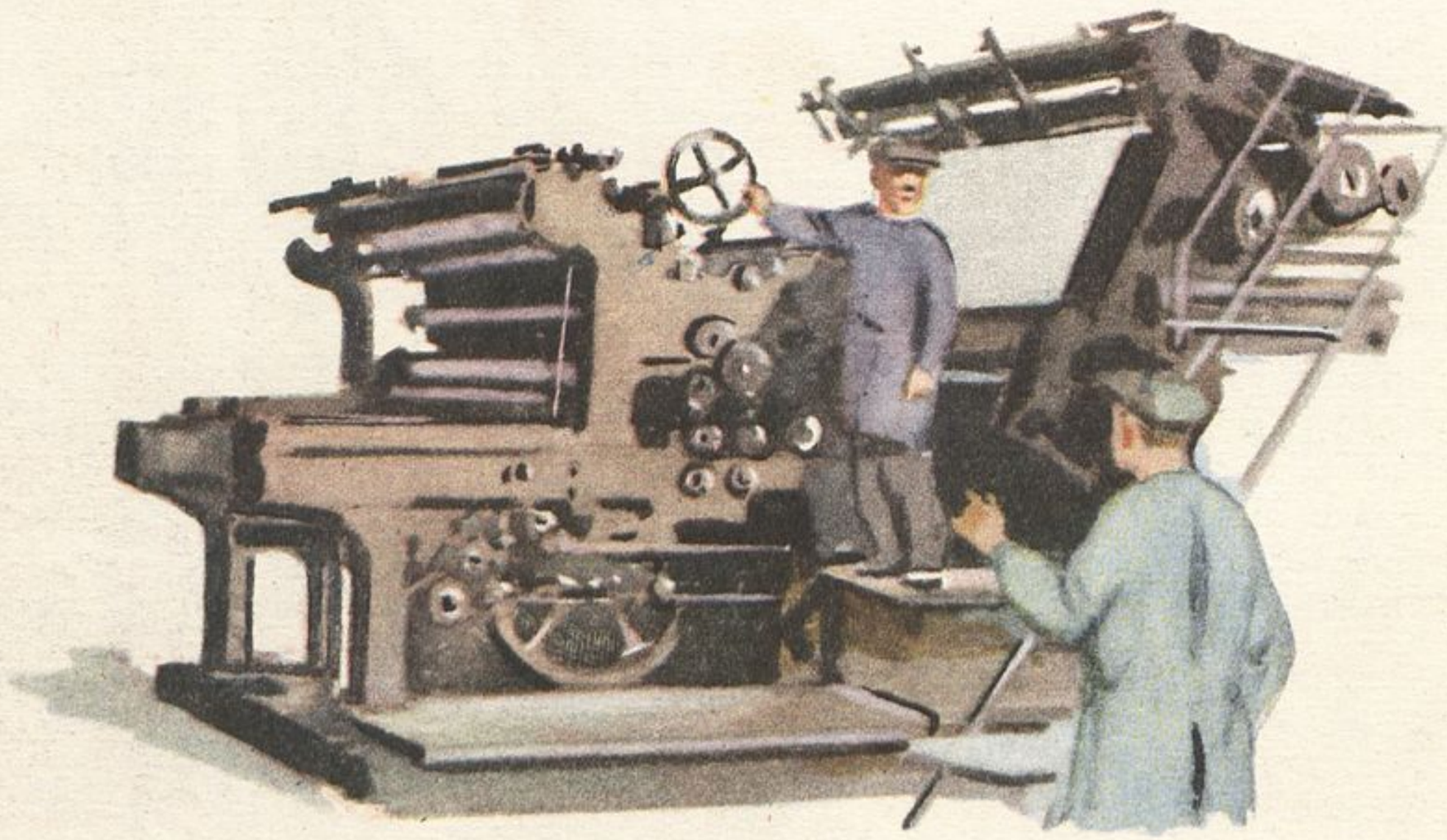
* * *

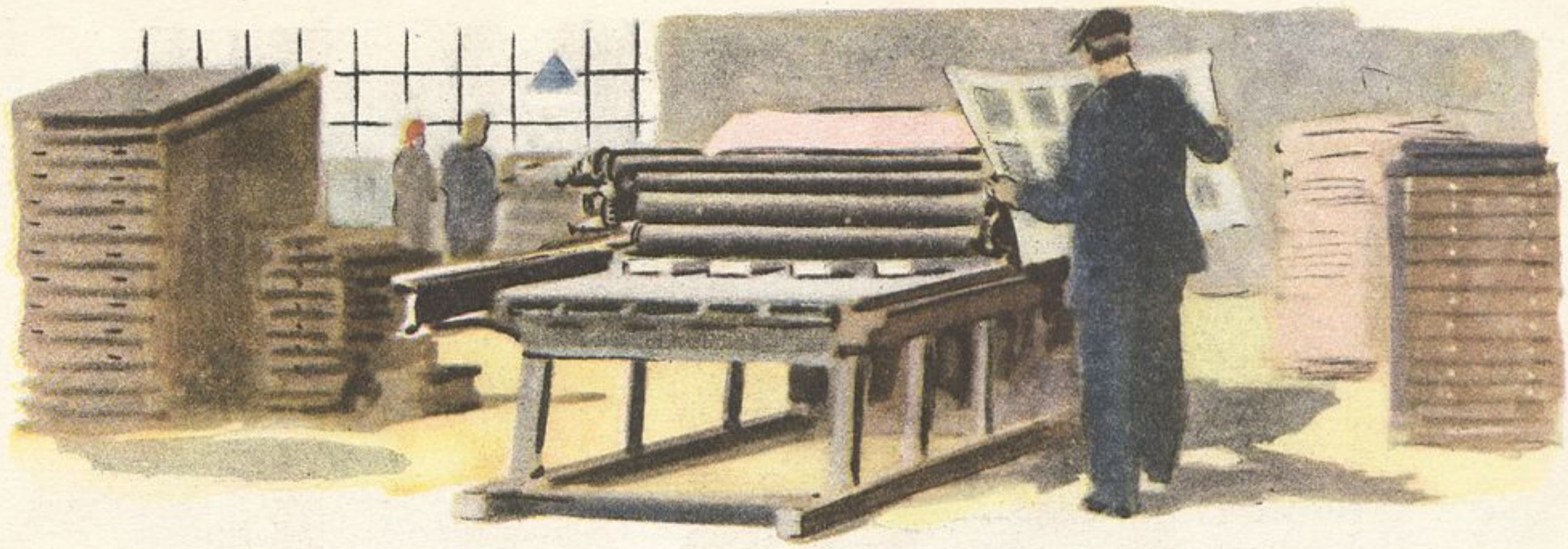
Теперь нам надо разобрать
Свинцовые страницы:
Ведь буквы могут нам опять
Для книжек пригодиться.

На них лежит дорожный
прах —
Налёт свинцовой пыли.
Они и в горьковских строках
И в гоголевских были.

Иная буква так умна:
Печатала немало.
И в астрономии она
И в химии бывала!

Когда рассыпанный их строй
Вернётся в цех наборный,
Их покрывает толстый слой
Машинной краски чёрной.





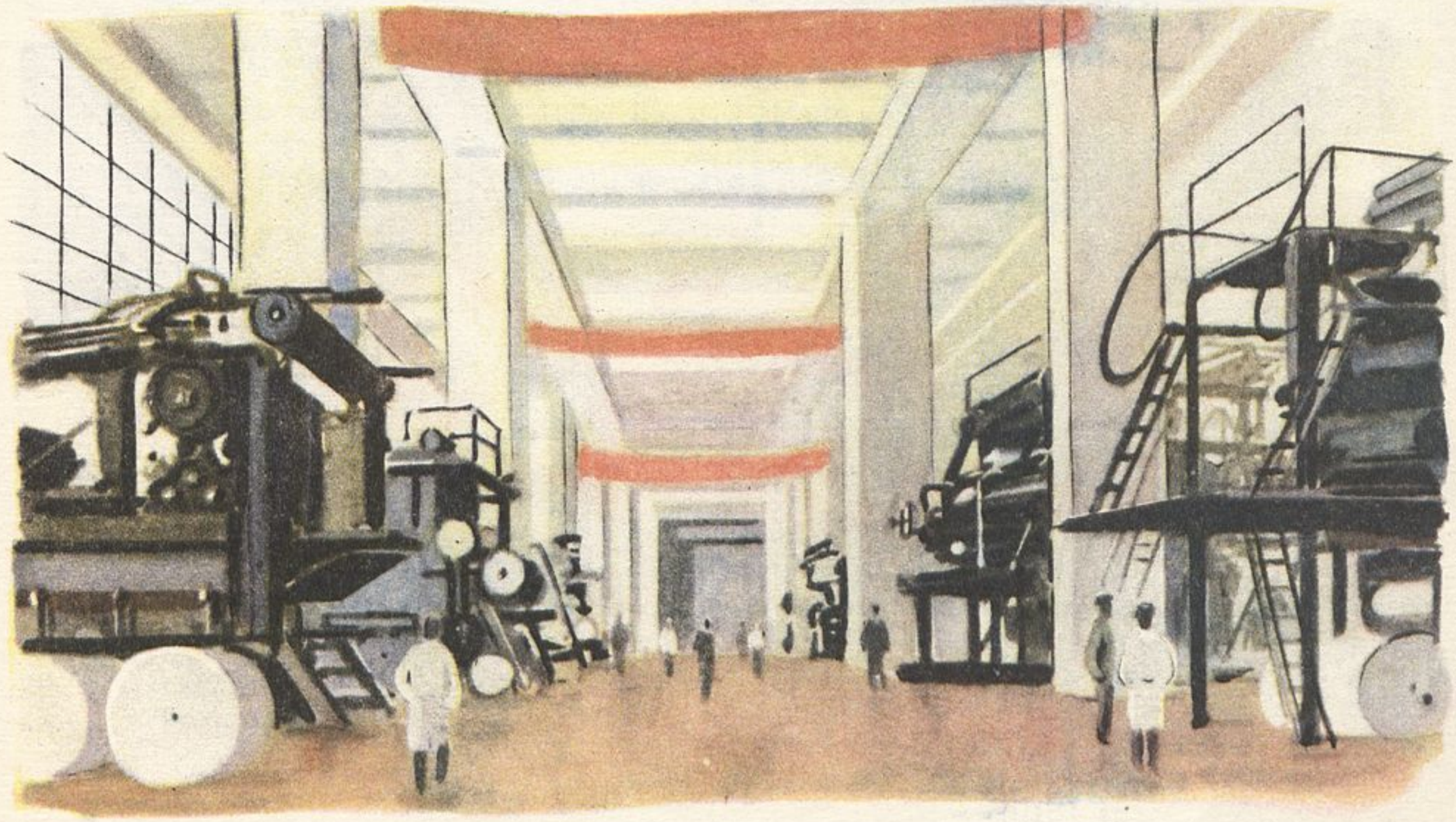
Смывает краску керосин, —
Пускай он смоет пятна
Пред тем, как буквы из машин
Пойдут к себе обратно.

* * *

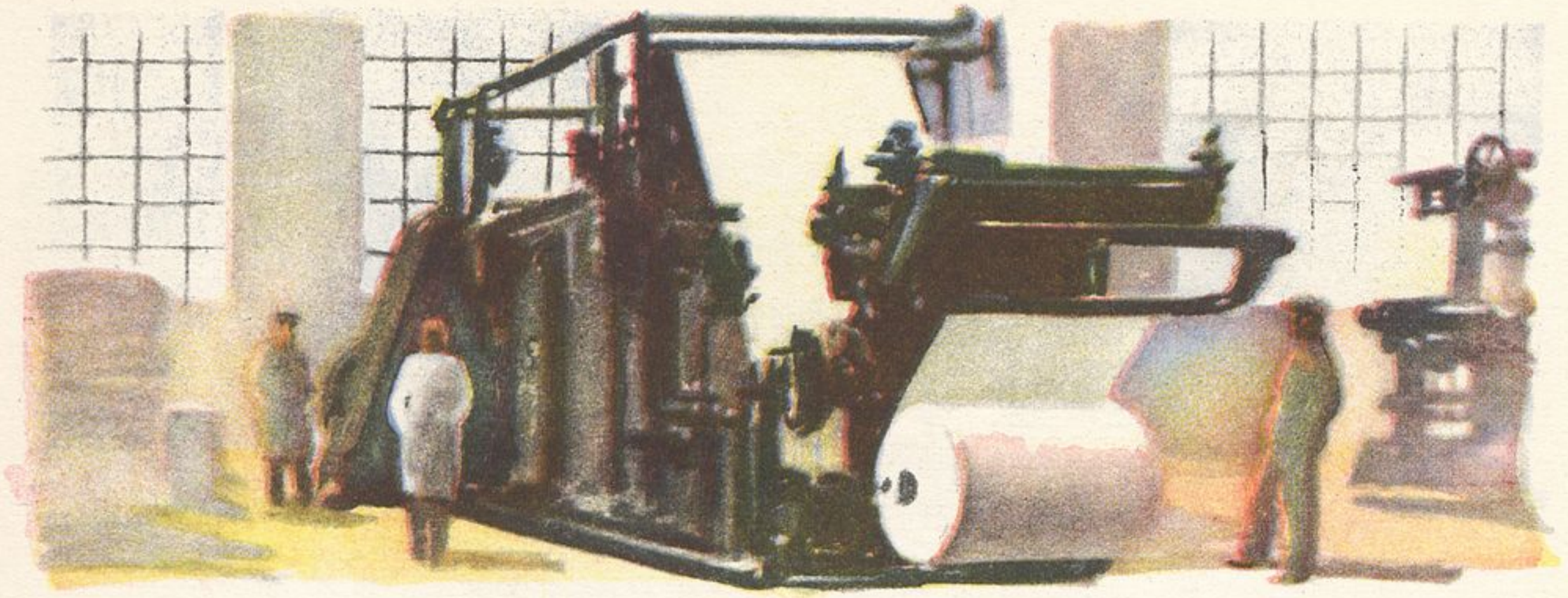
Приятно книжки почитать,
А сделать их попробуй!
Искусство тонкое — печать
И требует учёбы.

Кто сделал книгу? Лесоруб?
Завод древесной массы?
Иль эта фабрика без труб,
Где шрифт берут из кассы?

Бумагу сделали для нас
В бумажном комбинате.
Но разговор идёт сейчас
О мастерах печати.



Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА



Мы знаем славных стариков,
Печатающих книжки,
А рядом с ними у станков
Работают парнишки.

Один хороший паренёк
Знаком со мною лично.
Он невелик и невысок,
Но трудится отлично.

Он предан делу всей душой,
И посмотреть приятно,
Как он командует большой
Машиною печатной.

Хоть говорят, что ростом он
Не более аршина, —
Ему послушна, точно слон,
Огромная машина.

Меня печатал он не раз,
И эту книжку тоже
Мы вместе сделали для вас —
Я и Смирнов Серёжа.

Работа сложная — печать.
И всем рабочим цеха
Должны мы счастья
пожелать,
Здоровья и успеха!

М. ИЛЬИН и Е. СЕГАЛ *Рис. Т. РЕЙН*

ВОЛШЕБНЫЙ САД

Есть у нас в стране волшебный сад. Там растут диковинные деревья. Там есть дерево, похожее на черёмуху. Все знают, что черёмуха славится запахом, а не вкусом; цветами, а не плодами.

Но в волшебном саду на черёмухе растут кистями большие вкусные вишни.

Что же это за дерево? Черёмуха? Вишня?

Нет, это церападус.

Церападус — это вишня-черёмуха.

Недалеко от церападуса растёт в волшебном саду рябина.

Кто не видал рябины? Осенью, в холодные пасмурные дни весело смотреть на её яркие, словно огнём горящие кисти. Но попробуйте взять её в рот. Она такая терпкая и горькая, что даже любители — и те морщатся.

Вот если бы случилось такое чудо. чтобы рябина стала сладкой!

Это чудо случилось в волшебном саду. Там на рябине растут кистями, словно виноград, большие тёмнокрасные сладкие плоды.

Такое же чудо произошло с тёрном.

Терновник известен своими колючками. Он так колется, словно защищает нивесть какие сокровища. А сокровищ-то у него никаких нет. Растут на нём плоды мелкие, кислые, невкусные.

Но в волшебном саду тёрн тоже стал волшебным. На нём выросли крупные, сладкие, тёмносиние сливы.

И тёрну дали здесь новое почётное название: «тёрн сладкий».

Есть в волшебном саду дерево, на котором висят большие зеленовато-жёлтые плоды. Это «ренет бергамотный». Это яблоко, выращенное на грушевом дереве.

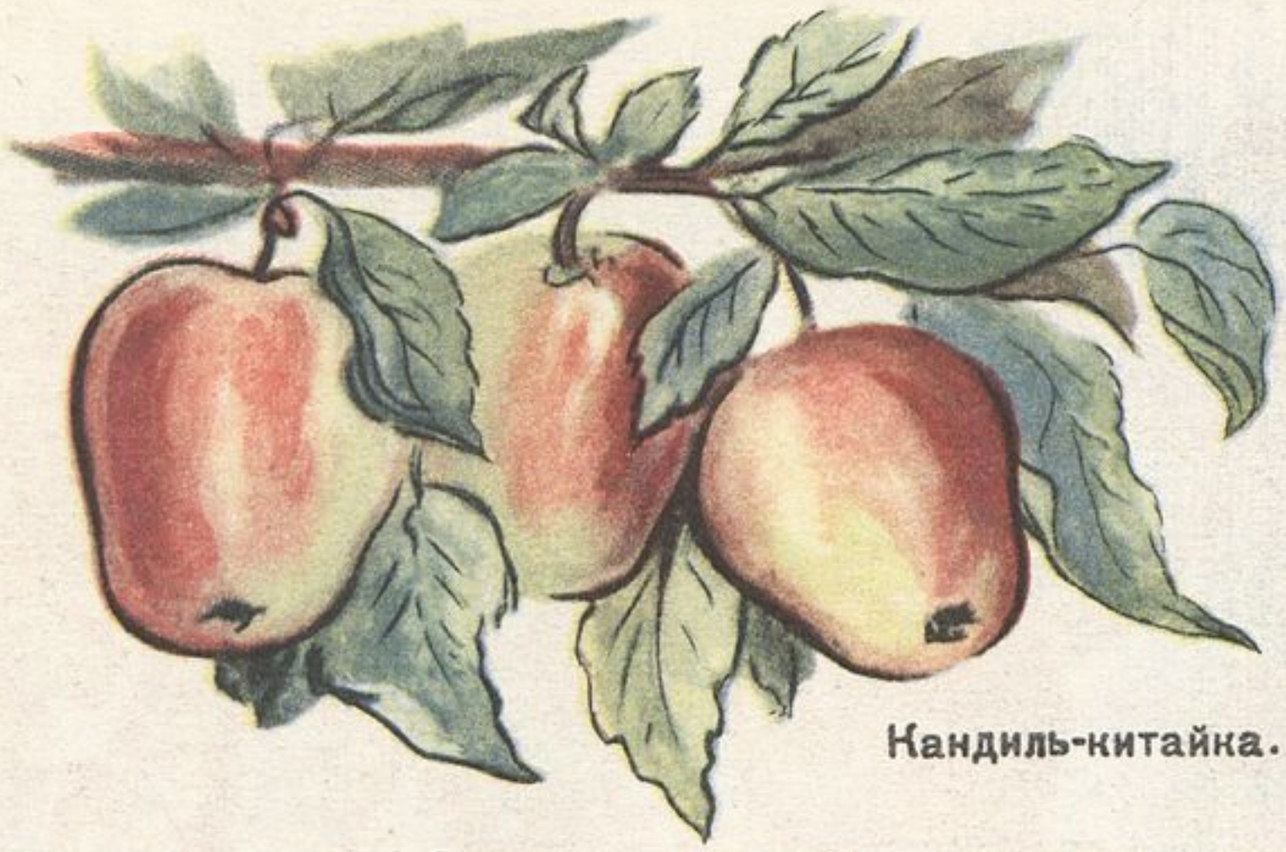
Вот какие плоды растут в волшебном саду.

Есть там и другие удивительные груши и яблоки.

Взять хотя бы антоновку полуторафунтовую. Это яблоко надо обеими руками держать, как арбуз, а то не удержишь.

Все богатства жаркого юга собраны в этом саду: виноград, абрикосы, персики, большие, нежные, сочные груши.

Кандиль-синап.



Кандиль-китайка.

Китайка.

А сад-то не на юге, а на севере. Зимы там холодные, снежные, весной по утрам заморозки.

Обычно южные плодовые деревья боятся малейшего холода.

А тут и виноград, и персики, и абрикосы, и груши, и вишни воюют с морозами, с метелями, с вьюгами, и холод их не берёт.

Оттого-то и названия у них такие: «абрикос северный», «виноград сибирский», груша «бере зимняя», вишня «краса севера».

Есть среди вишен этого сада одна, которая прославилась на весь мир. Её назвали «плодородной», потому что она даёт очень много плодов. Одно маленькое деревцо даёт три пуда вишен, не поймёшь, как оно выдерживает такой груз.

Но «плодородная» знаменита не только тем, что она плодородная. Главная её заслуга в том, что она умеет выносить даже сильные морозы.

Много лет назад о ней прослышали канадские садоводы и выписали её к себе Канада — это страна на севере Америки. Там бывают очень холодные зимы.

Одна зима выдалась такая холодная, что все вишнёвые деревья в садах погибли. А там было много всяких сортов — и из Америки и из Европы.

После этой суровой зимы съехались канадские садоводы, чтобы потолковать о своих делах. И тут-то оказалось, что одна только русская вишня «плодородная» выдержала морозы.

С тех пор гостья из России, из-за океана так прославилась в Америке, что заняла в садах самое почётное место.

Кто же вырастил вишню «плодородную»? Кто передвинул юг на север и создал северный абрикос, сибирский виноград, вишню «краса севера»? Кто сумел сделать горькую рябину сладкой и невкусный тёрн вкусным? Кто создал сказочные растения — вишню-черёмуху, сливу-абрикос, грушевое яблоко?

Посмотрите на дощечки с надписями, вывешенные на деревьях в мичуринском саду:

«Плодородная Мичурина».
«Бере зимняя Мичурина».
«Рябина мичуринская десертная».
«Бессемянка мичуринская».
«Абрикос — лучший мичуринский».

Рябина, выращенная на грушевом дереве

Слива „ренклод зелёный".

Тёрн десертный.

Волшебника, который вырастил чудесный сад, звали Иван Владимирович Мичурин.

Юные садоводы хорошо знают его имя. Ведь он их учитель. Оттого-то они и называют себя в его честь мичуринцами.

Это был великий учёный, который всю свою долгую жизнь изучал природу. Но он не только изучал природу, — он и переделывал её.

«Человек, — говорил он, — может и должен создавать новые формы растений лучше природы».

С детских лет Мичурин всё свободное время проводил в саду.

По целым дням он только и делал, что учился срезать черенки и глазки с одного дерева, для того чтобы прививать, прирашивать их к другому дереву.

Он выискивал и прятал семена от хороших, вкусных яблок и груш, чтобы посадить их у себя в саду.

Его огорчало, что на севере не растут такие сочные и вкусные яблоки и груши, как на юге.

Он мечтал о том, чтобы и в его саду росли абрикосы, виноград, персики.

Когда Мичурин стал старше, он стал думать над тем, что нужно сделать, чтобы северные сады были такими же богатыми, как сады юга.

Ничто не могло сломить его, заставить отказаться от любимого дела.

Был случай, когда разлившаяся река затопила его сад. А потом начались морозы, река замёрзла и похоронила под обломками льда молодые деревца. Много тут погибло ценных растений, которые Мичурин вырастил с таким трудом и такой любовью.

Но Мичурин не упал духом, а продолжал свою работу с ещё большим упорством.

Каждый его опыт требовал не одного года, а многих лет терпеливой работы. Ведь дерево растёт долго и не скоро начинает давать плоды.

Во времена Мичурина садоводы думали, что каждый хороший сорт яблока или груши — это находка. Попадётся случайно хорошее семечко, из него и вырастет хорошая яблоня.

А Мичурин знал, что на одну только удачу надеяться нельзя.

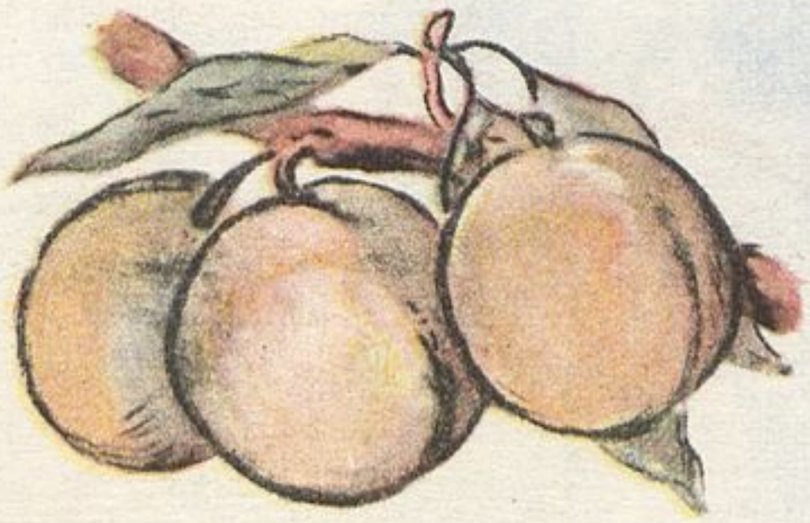
Если надеяться на подарки от природы, на счастливый случай, нужны сотни лет, чтобы бедные северные сады стали богатыми.

А Мичурин не ждал подарков. Он переделывал растения, чтобы они лучше служили человеку.

Взять хотя бы для примера мичуринское яблоко «кандиль-китайку».

Как Мичурин её создал?

Мичурину хотелось, что-



Слива персиковая.

Вишня „идеал".

Церападус.

Черёмуха.

бы и на севере росли такие яблоки, как в Крыму.

В Крыму есть очень красивое и вкусное яблоко «кандиль-синап». Но крымская яблоня боится холода.

А на севере растёт яблоня-китайка. У неё яблоки маленькие и невкусные, но зато ей даже сильный мороз не страшен.

Крымское дерево росло у себя на тёплом юге. Китайка росла на севере. И никогда они друг с другом не встречались.

И вот Мичурин решил, как говорят садоводы, скрестить оба дерева: он взял пыльцу с цветов крымского дерева и опылил ею цветы китайки, когда она цвела первый раз в своей жизни. Китайка дала плоды.

Мичурин взял из них семечки и посеял.

Из семечек выросли маленькие деревца, у которых уже было сильное сходство с крымской яблоней.

Мичурину совсем не хотелось, чтобы они были чересчур похожи на крымскую яблоню: ведь она боится морозов, а ему надо было вырастить дерево храброе, стойкое, не боящееся холода.

И вот он вырезал с самого удачного деревца несколько почек-глазков и привил их к веткам матери-китайки. Пусть она сама воспитывает, кормит своих детей.

Как он предполагал, так и случилось.

На материнском дереве развились из почек побеги, которые уже не боялись мороза.

Потом на привитых ветках появились и первые яблоки.

Мичурин с таким нетерпением ждал их! А они оказались маленькими, некрасивыми, невкусными. Когда их сорвали, они скоро стали морщиться, сохнуть. Другой бы на месте Мичурина рассердился, уничтожил негодное дерево.

Но Мичурин был большой учёный. Он знал, что по первым плодам о новом дереве судить нельзя. Терпеливо и любовно ухаживал он за своим питомцем.

И деревцо вознаградило его за все заботы. С каждым годом оно давало плоды всё лучше, всё красивее.

Эти плоды были и вкусом, и цветом, и формой похожи на крымское яблоко—«кандиль-синап». Но в то же время новое дерево взяло у матери-китайки её выносливость, её стойкость. Оно уже мороза не боялось.

Таких сортов вырастил он сотни. Он смело скрещивал южные, нежные сорта с северными, выносливыми.

Так возникали у него в саду сказочные растения: церападус, сладкая рябина, сладкий тёрн, слива-абрикос.

Много лет своей жизни Мичурин работал в одиночку — никто ему не помогал, ему только мешали работать.

Но после революции, при советской власти, ему стала помогать вся страна.

И теперь у нас уже много таких садов, где растут созданные Мичуриным плоды.

Сотни и тысячи учеников Мичурина продолжают дело создания новых растений.

И вы тоже можете стать мичуринцами, если только сильно этого захотите.

«Ренет бергамотный».

ВАХТАНГ АНАНЯН

Рис. Е. РАЧЁВА

ЖУРАВЛИНЫЙ СТРАЖ

Горная сказка

С юга на север, в холодные страны, в сопровождении своих радостных глашатаев — ласточек и журавлей, ирисов и подснежников, тёплых, весь мир возрождающих лучей солнца, шла весна.

От берегов Индийского океана, через Иран, весна дошла и до нас.

Она вступила сначала в долину Аракса и, нарушив зимнюю дремоту Араратской равнины, неторопливо наступала на горы.

Долетев до Ширакской степи, спутники и гонцы весны — журавли — свернули к хребтам Харахача. Здесь ещё было холодно, и крупинки сухого снега пронизывали жидкий туман.

Журавли, летевшие из тёплых стран, заспешили в тревоге. Нужно было поскорее миновать горы Джаджура, пересечь горячее Лорийское ущелье, добраться до Грузии и опуститься на гостеприимном, тёплом и богатом снедью берегу Чёрного моря. Но бешеный Харахач подул на Ширакскую степь морозным ветром. Обледенели влажные крылья журавлей, и вожак их беспокойно закричал, сделал круг и, вернув стаю назад, посадил её на невысокий холм у реки Ахурян.

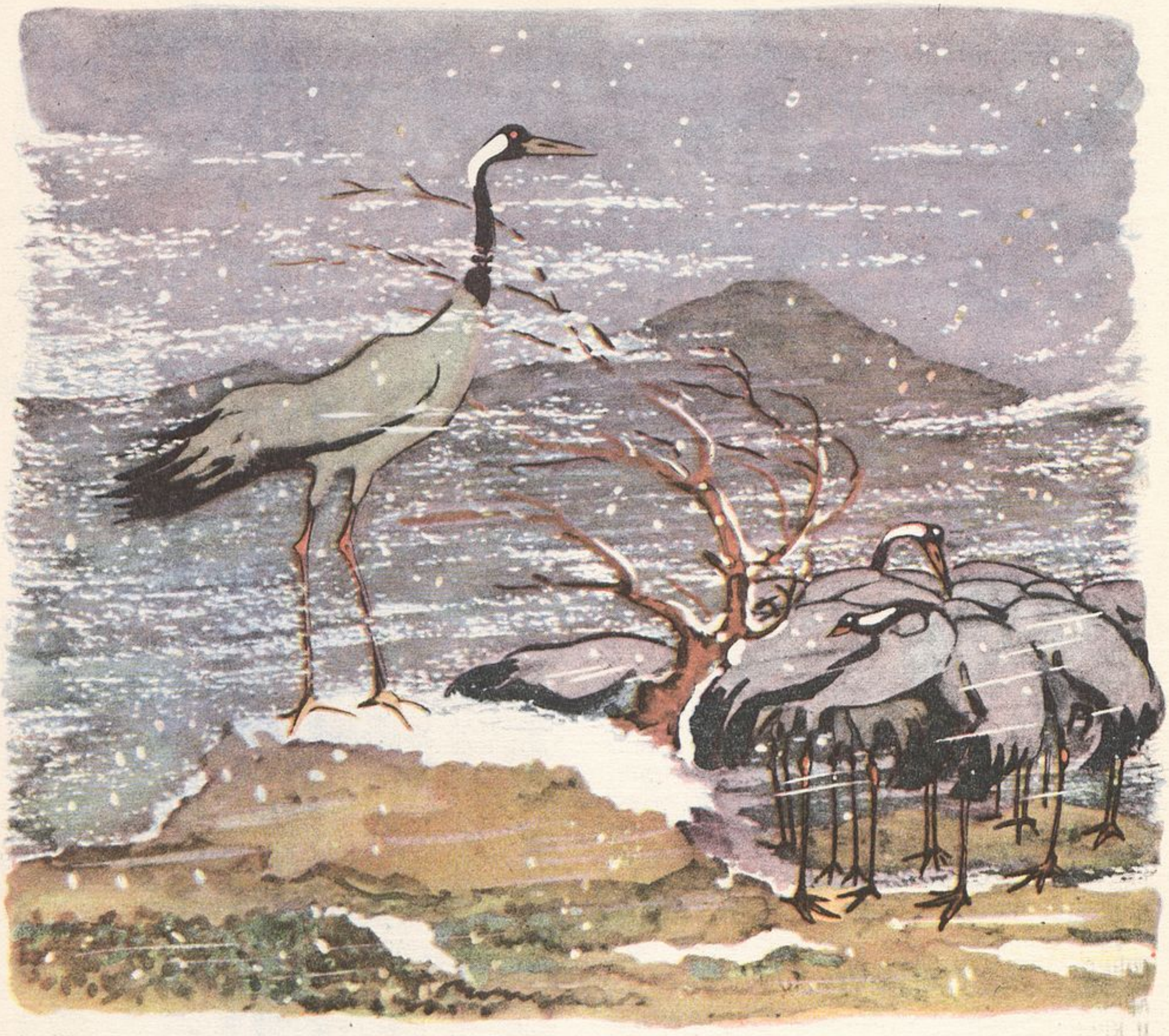
Был открыт ветрам этот холм, и птицы дрожали от холода. А в ущелье, под скалами, было тепло: там притаилась, укрылась весна.

Несколько журавлей, молодых и неопытных, расправили крылья и хотели слететь в ущелье, спрятаться там от ветра, согреться, но старый журавль сильными ударами клюва заставил их вернуться.

Вожак знал, что ущелье опасно: из ущелья не видно окрестности, незаметно может подойти к его краю охотник и открыть по стае огонь; в расщелинах скал, отточив клыки и когти, прячутся волки и лисы; орлы и грифы высматривают добычу.

Вот почему старый, опытный вожак никогда не посадит стаи в ущелье, — всегда на холме, откуда видно всё вокруг. Но если на холме или неподалёку есть какие-нибудь развалины, кусты, камни, где может укрыться враг, вожак не посадит стаи и на холм. Он сейчас же отдаст приказ следовать за собой и уведёт птиц в безопасное место.

На этот раз место, выбранное вожаком, тоже было безопасным. Журавли прижались друг к другу, спрятали головы под крылья и задремали. А один из них, по приказу вожака, стал на вершине холма, на



плоском камне, и, вытянув шею, внимательно озирал горы.

Он знал, что журавли спят спокойно потому, что верят ему, и, несмотря на сильную усталость, самоотверженно и бдительно оберегал стаю.

Снежная вьюга до самых костей проникала в его тело, но журавль не пытался согреться, не ежился, не складывал перьев. Тогда бы он стал маленьким и не мог бы видеть, что делается вокруг. Надо было всё время стоять навытяжку.

Но усталость, очень сильная усталость покоряла его. Какой огромный путь он проделал сегодня!.. Крылья точно разбиты, а мускулы ноют — так напрягал он их во время полёта. И мало-помалу журавль сжался в комок и начал дремать: так было лучше, так было теплее. Ветер не проникал больше в тело, не пронизывал перьев... Хоть бы дали ему немного, совсем немного, на одно только мгновение, уснуть... Как сладок сон после долгого пути!..

Журавль дремал, и в полусне грезились ему горячие и богатые кормом болота Ирана.

Сильный удар по голове разбудил его. Журавль очнулся и увидел перед собой вожака. Гнев горел в глазах старой птицы.

Журавль жалобно вскрикнул и выпрямился. Вожак, что-то сердито бормоча, сошёл с вершины и смешался со стаей.

Вновь наступила тишина. Спокойно спали журавли. Монотонно, усыпляюще журчали воды реки, и сон, неотступный, неодолимый сон, сладким оцепенением сковывал тело птицы.

Какой-то шорох заставил журавля встрепенуться. Ну и горе, он, значит, опять уснул... А что, если бы тайком к ним подкрался охотник? Или волк прошмыгнул ползком к подножью холма? Какое страшное бедствие могло постичь стаю! До чего беспечны были журавли, доверяя свою жизнь такому ненадёжному стражу.

И всё же сон побеждает. Он завладевает бедной птицей, и журавль больше не в силах сопротивляться. На мгновение открыв глаза, журавль увидел стаю, мирно дремлющую, уверенную в его бдительности, и его охватил ужас. Что делать?..

Но тут он вспомнил вдруг свою старую мать. Вспомнил, как охраняла товарищей она, как среди тысячи испытаний невредимыми провожала их до берегов океана. Вот так же, как и он, стояла на страже его мать. Как могла она?.. О, способ найден, способ матери... Он тоже поступит так, как поступала его старая, мудрая мать.

Журавль стал на одну ногу, а другую высоко поднял и поджал под себя, стиснув в её пальцах камень величиной с куриное яйцо.

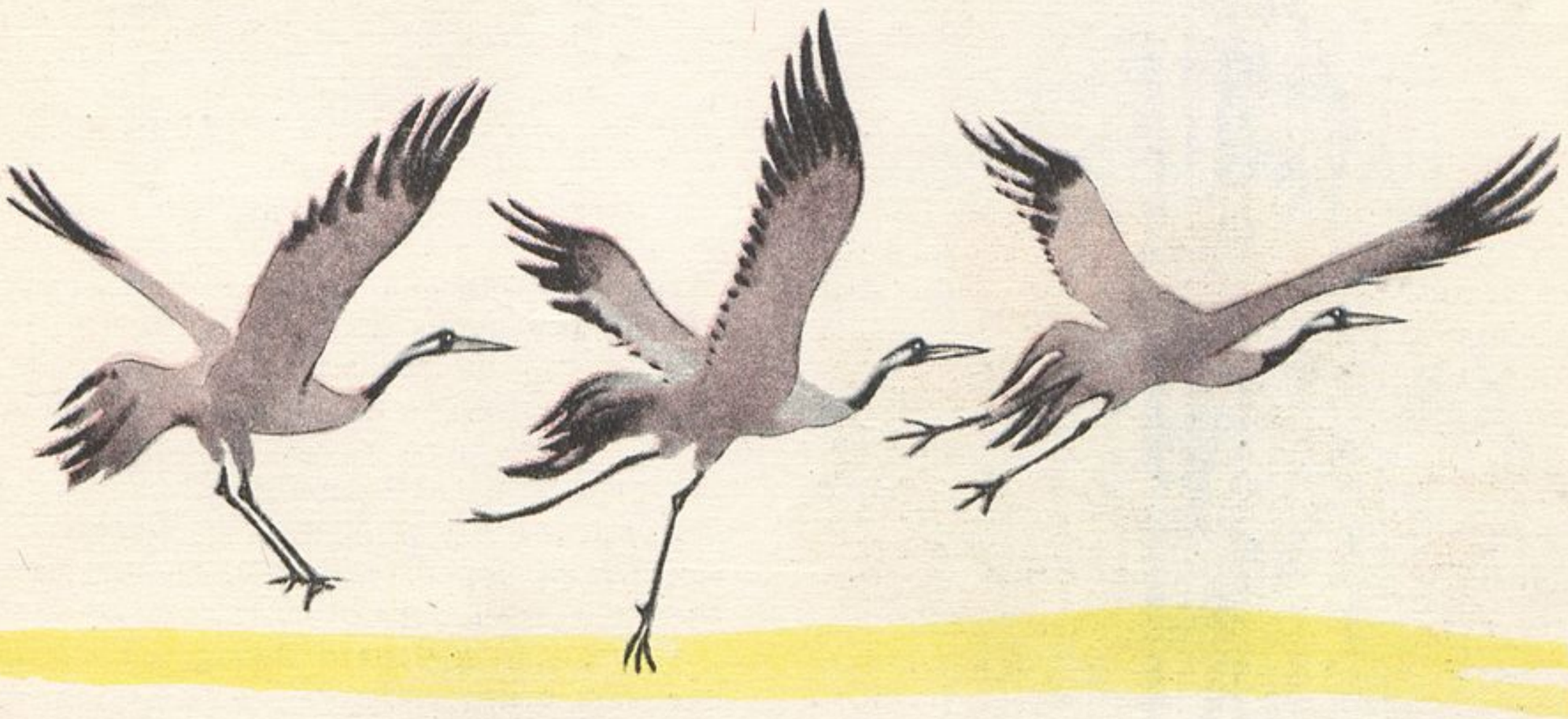
Сон был силён; он снова овладел журавлём. Пальцы разжались, камень выпал и громко зазвенел, ударившись о скалистую поверхность холма. От этого звука журавль сейчас же проснулся и снова поднял камень. Сон больше не был страшен.

Журавль больше не противился ему. Но каждый раз, когда он засыпал, пальцы разжимались, камень падал, звенел, и звон его будил журавля. Он вздрагивал, выпрямлялся, бдительно оглядывал окрестность и снова начинал дремать, сжимая спасительный камень...

И однажды, когда камень упал и зазвенел, журавль, проснувшись, заметил чужую тень, скользящую среди камней.

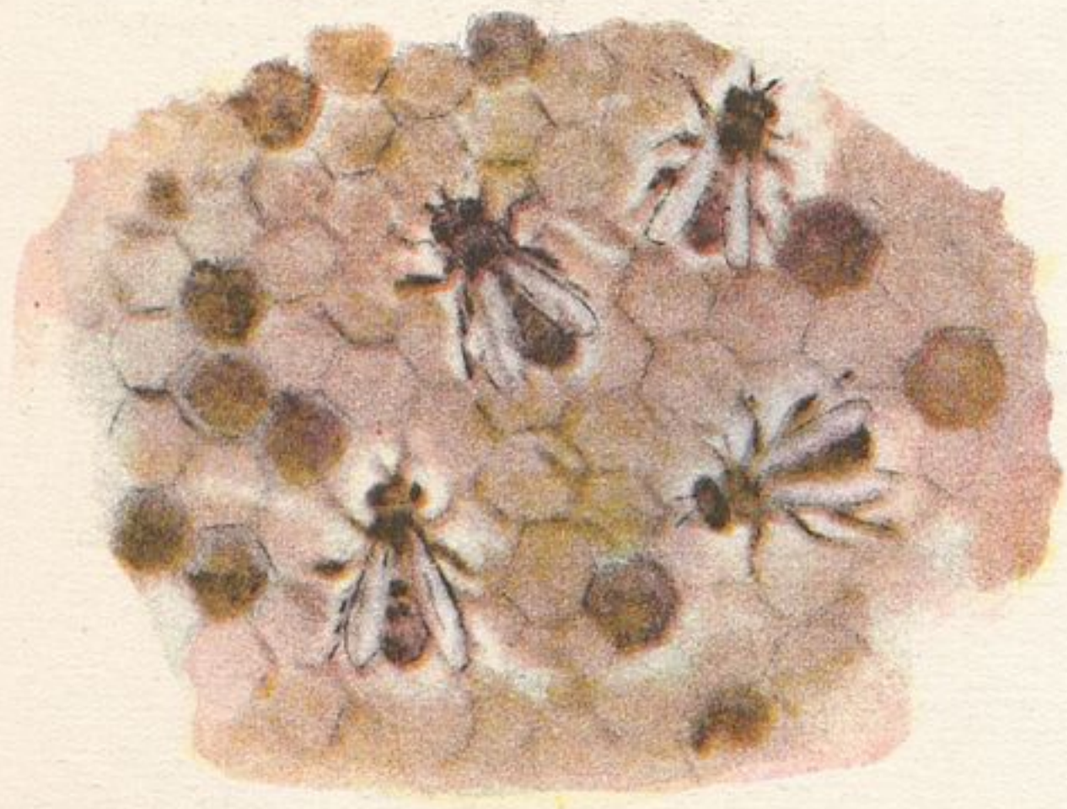
Страж закричал в тревоге, и, прежде чем человек успел поднять своё смертоносное оружие, стая журавлей поднялась и исчезла в предутреннем тумане...

Перевод с армянского А. Гюль-Назарянц



КТО КАК К ЗИ

Г. СКРЕБИЦКИЙ
В. ЧАПЛИНА



1. ЖУРАВЛИ

Хмурится осеннее небо. С каждым днём становится всё холоднее и холоднее. Полетели в тёплые края стаи перелётных птиц.

Высоко-высоко в небе летят журавли, только слышно, как перекликаются. А устанут в дороге — опустятся на поле, поедят, отдохнут и снова в путь тронутся.

2. ПЧЁЛЫ

Отцвели последние цветы. Негде пчёлам еду добывать. Но им это и не страшно. Полные соты запасли они за лето в улье сладкого, душистого мёда, на всю зиму хватит.

Пчёлы не только еду запасают на зиму. Они и своё жилище утепляют: все щёлки залепят, не пробраться в их домик холодному зимнему ветру.

3. БЕЛКА

Белка — зверёк запасливый. Как только поспеют в лесу орехи, жёлуди, тут она и начнёт еду на зиму запасать. Найдёт орешек, сорвёт его и спрячет где-нибудь в трещинке норы, а то целую кладовочку в дупле устроит, всякой еды туда наберёт; желудей, орехов и грибов тоже запасёт. Сорвёт гриб и на дереве между сучками повесит. Много грибов насушит.

С утра до вечера белочка в лесу хлопочет, еду себе запасает. Зато зимой она голодать не будет.

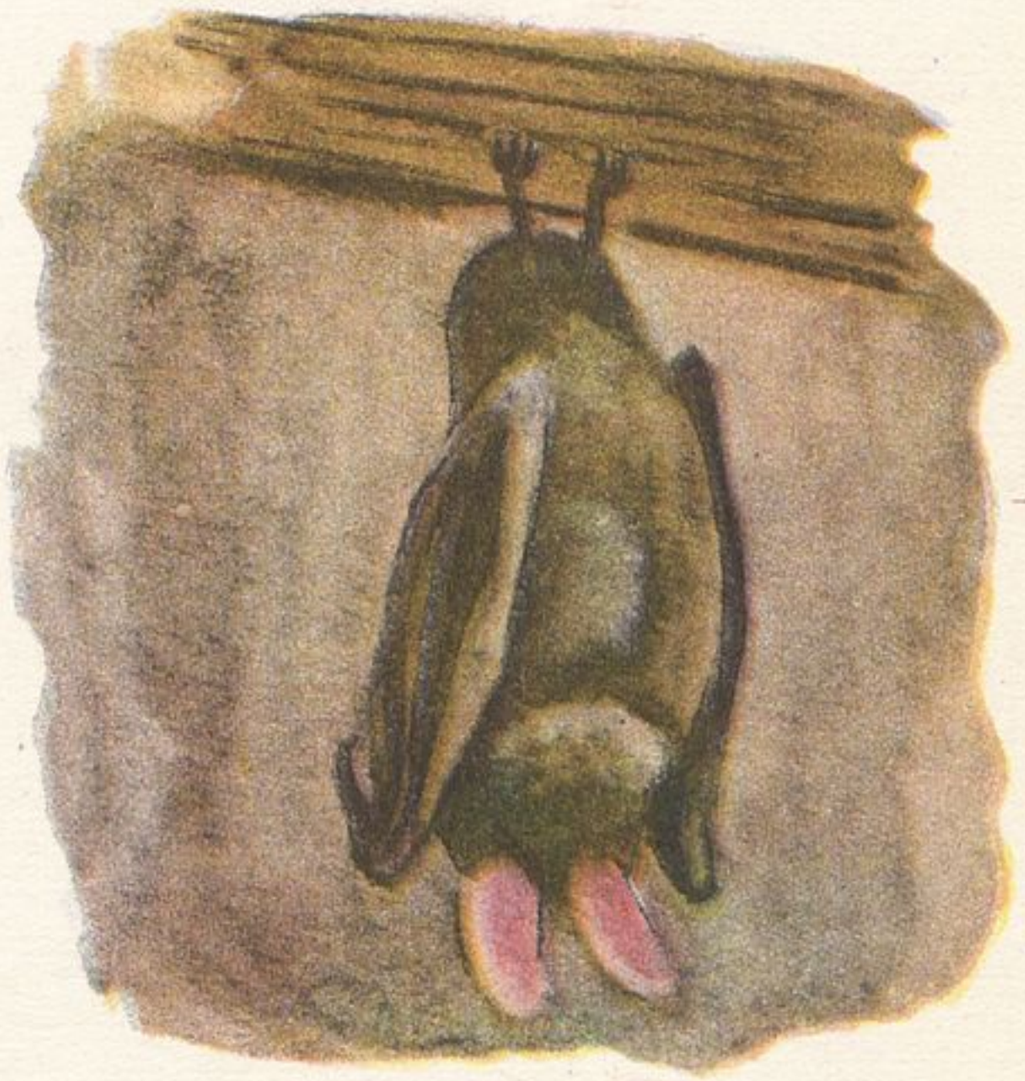
МЕ ГОТОВИТСЯ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

4. ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

Подул холодный ветер, исчезли комары и мошки. Почуяли летучие мыши, что зима приближается, и начали забираться в дупла старых деревьев, в пещеры, на чердаки.

Прицепится летучая мышь задними лапками к какому-нибудь выступу, крыльями, как плащом, завернётся, повиснет вниз головой, да так и заснёт крепким зимним сном.



5. ЗАЯЦ

Летом шерсть у зайца была серая, а как пришла осень, тут он белеть начал — в тёплую зимнюю шубку одеваться. Сначала задние лапки побелели, бока, а к зиме и совсем белый станет, пушистый. В такой шубке ему самый лютый мороз не страшен и прятаться от врагов легко. Притаится белый заяц в снегу, его и не видать.

6. БАРСУК

Отъелся барсук за осень, стал жирный, неповоротливый. Его уже и в сон клонит.

Нагрёб барсук лапами себе в нору опавшие листья, сухую траву, мох, устроил тёплую мягкую подстилку, улёгся и уснул. Теперь не страшна ему зимняя стужа, до самой весны проспит.

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

ТРЕТИЙ ПОДАРОК

Рассказ

Пират оглох потому, что нырял в воду за камнями. А раньше это была очень хорошая, белая с чёрными пятнами, охотничья собака. Погубили её ребята. Они швыряли камни у мельничной плотины и кричали:

— Пират! Возьми!

Пират бросался в воду, нырял — и вот оглох. Оглох он, правда, не совсем. Если он стоял близко от вас, то всё слышал, а чуть отбежит — слышит только свист. Таким мне его и подарил мельник дядя Костя.

Это был второй подарок в тот день. Мне исполнилось четырнадцать лет, и утром отец подарил мне настоящее охотничье ружьё. Конечно, я не утерпел и немедленно побежал на мельницу показать подарок дяде Косте. Он считался лучшим охотником, и я очень гордился, что он водит со мной знакомство.

— Занятно, — сказал дядя Костя, осматривая подарок. — У меня первое ружьё появилось, когда я уже из солдатчины воротился. Давно это было, ещё при царе Горохе... Ну, теперь берегись, гуси-лебеди, ближе чем на пять шагов к нам не подлетай!

— На пять... — обиделся я. — А помните, я из вашего ружья чирка подбил? Что же, там пять шагов было?

— Да то ж само ружьё убило.

— Само... А целился-то я!

— Ну, не серчай, не серчай, — засмеялся дядя Костя. — Я пошутил, ты у нас стрелок первый на всю округу. Постой, а как же ты будешь охотиться без собаки? Охотник без собаки, всё равно что мельница без воды.

— А я буду Пирата брать. Вы разрешите?

Дядя Костя как будто даже обрадовался.

— Правильно! Забирай собаку, забирай. Это будет тебе подарок от меня. Забирай, пока ребята его совсем не испортили. Ну, по рукам?

Дядя Костя положил на свою широченную ладонь полу пиджака, а я хлопнул по ней так, что полетела мучная пыль.

Пират, как только увидел меня с ружьём, обрадовался, запрыгал и охотно пошёл за мной на рыбный промысел, где мы жили. Мы вышли с ним на берег моря и пошли у самой воды. Дул северо-восточный ветер, который на этом побережье Каспия называется моряной. Моряна дула уже несколько дней и пригнала к нашему берегу целые поля астраханского льда.

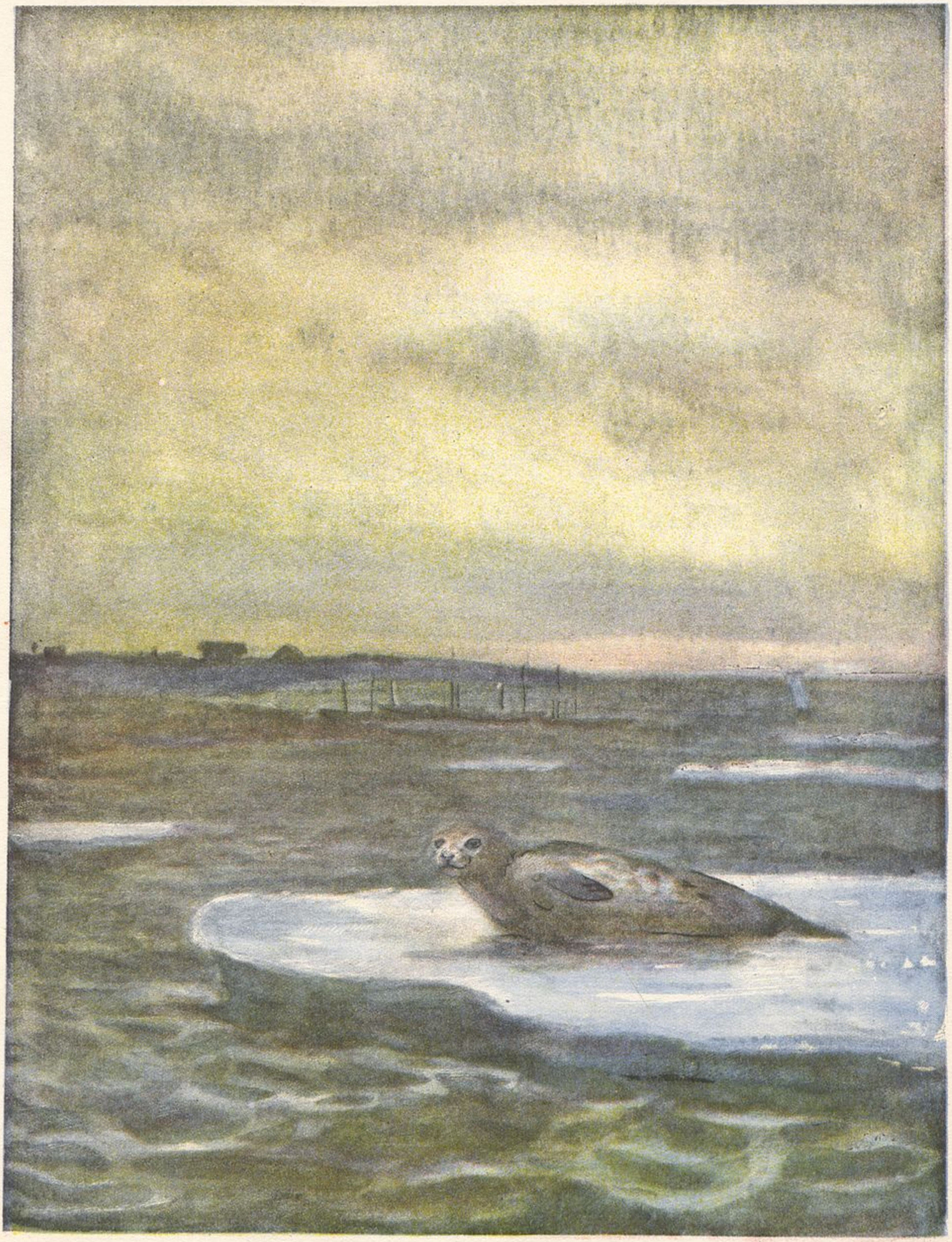
Для Пирата лёд был диковинкой, ему никогда не приходилось видеть таких больших глыб. Он забегал в воду и нюхал лёд, потом подбегал ко мне, отряхивался и смотрел на меня так, как будто спрашивал: «Что это такое?»

Папа уже не раз видел Пирата и поздравил меня с хорошим подарком. Мама дала старый половичок, и я устроил собаке постель в сенях. Пират помахал хвостом и немедленно улёгся на подстилку. Скоро он так ознакомился со всей нашей квартирой, что сам научился открывать дверь.

Вечером я получил третий подарок — от Пирата.

Мы уже легли спать и потушили лампу. Вдруг дверь распахнулась и в комнату вбежал Пират. Он направился прямо к моей постели и положил на одеяло что-то тяжёлое, живое.

— Папа, папа! — закричал я. — Скорее зажги свет. Он что-то принёс! Живое!



Пока папа искал спички, я лежал и боялся пошевелиться. Это что-то живое ворочалось и не то шипело, не то кашляло.

Наконец папа зажёг спичку и подошёл к моей кровати. На одеяле лежал маленький чёрный зверёк.

— Павел, что это? — испуганно прошептала мама.

— Тюлень. Честное слово, тюлень.

— Откуда он взялся, папа?

— Надо полагать, с моря... Ну да, смотрите — Пират мокрый. Ясно, тюлень приплыл на льдине.

Мама зажгла лампу, и мы стали рассматривать зверька. Его мягкая бархатная шерстка лоснилась, точно была смазана салом; маленькие, совершенно круглые и такие же чёрные, как и шерсть, глазки смотрели на нас с ужасом, хотя сам тюленёнок изо всех сил старался быть пострашнее. Он приподнимался на ластах, водил головой, шевелил усиками и на всех нас фыркал. Две крошечные ноздри то и дело закрывались тонкими перепонками, и тюленёнок тыкался носом в одеяло. Наверно, он принимал его за поверхность воды и всё старался нырнуть.

Больше всех удивлён был сам Пират. Он даже отряхнуться позабыл, — вода стекала с его шерсти прямо на пол. Такого зверя ему ещё не то что ловить — ни разу в жизни видеть не приходилось. И, наверно, он силился понять: что это такое, дичь это или нет?

Долго мы не спали в эту ночь. Малютка — так мама прозвала тюленёнка — скоро успокоился и перестал фыркать. Мы гладили его, словно котёнка, а мама даже прослезилась. Ей было жалко и маму-тюленихи и тюленёнка-сироту. Ей казалось, что тюленёнок умирает с голоду и что ему немедленно нужно дать молока с хлебом.

— Мать, ты бы ещё квашеной капусты ему предложила или ветчины с горчицей. Рыбой они питаются, рыбой, мать, — сказал папа.

Но мама с ним не согласилась.

— Это взрослые питаются рыбой, а маленькие — молоком. Тюлень — животное млекопитающее...

Мама налила в блюдце молока, но Малютка не стал есть. У мамы нашлась и свежая рыба, но и рыбу тюленёнок не брал.

Папа оделся и принёс два ведра морской воды. Мы вылили её в корыто и пустили туда тюленёнка. Малютка сразу повеселел и принялся плавать, проворно перебирая ластами, тычась носом в края корыта.

Но как только мы пустили тюленёнка в воду, начал волноваться Пират. Он залаял и прыгнул в корыто «спасать» тюленёнка. Еле мы его оттащили. Я хотел отвести его в сени, на его подстилку, но он снова ворвался в комнату.

— Ладно, оставь его здесь. Иначе он нам спать не даст, — сказал папа.

Пират улёгся рядом с корытом, положил голову на лапы, и так лежал, не спуская глаз с Малютки, готовый немедленно броситься ему на помощь. А когда наш кот захотел тоже познакомиться с тюленёнком, Пират так на него рявкнул, что бедный Васька мигом взлетел на шкаф и больше оттуда не слезал.

Утром мы нашли Малютку за печкой. Он лежал на моей рубашке, вылизанный досуха и немного посеревший.

Два дня прожил у нас тюленёнок, и всё это время Пират вёл себя так, что и папа не мог объяснить его поведения. Пёс ни на минуту не отходил от корыта и всё пытался вытащить тюленёнка из воды. Когда мама давала ему кусок хлеба, он осторожно брал его в рот и затем бросал в корыто. По утрам мы всегда находили тюленёнка на подстилке Пирата, а кота нашего он совсем выжил из дома.

Малютка ничего не ел, даже мелкую живую рыбу. Я наловил её целое ведро в ручье. Мы стали бояться, что он подохнет.

— Знаешь, Виктор, придётся нам выпустить Малютку в море. Так он долго не проживёт, — решил папа.

Хотя мне и не хотелось расставаться с тюленёнком, но пришлось согласиться. Мы привязали Пирата в комнате и понесли Малютку на берег. Пират начал скулить и рваться с привязи.

Папа в высоких сапогах — бахилах — забрёл в воду и поймал небольшую льдину, — их ещё много плавало у нашего берега; мы положили на неё Малютку, рядом набросали мелкой рыбы и оттолкнули льдину от берега. Ветерок подхватил её и погнал в открытое море.

Мы стояли втроем на мокром песке и

провожали Малютку в далёкое плавание. Льдина становилась всё меньше и меньше. Тюленёнок приподнялся на ласты и водил головой, осматривая беспредельную даль серого Каспия. Он, наверно, искал свою маму-тюлениху.

И вдруг мне показалось, что рядом со льдиной зачернела голова взрослого тюленя. Может быть, мне это только показалось, потому что я очень хотел, чтобы тюлениха-мама нашла своего детёныша, а может быть, и на самом деле она его ждала все эти дни.

Когда льдина уплыла так далеко, что Малютки на ней почти уже не было видно, на берег прибежал Пират с обрывком верёвки на шее. Он сразу увидел льдину и тюленёнка на ней, и, не поймай его вовремя папа за верёвку, он бросился бы вплавь догонять своего друга.

Весь день потом Пират скулил и бегал по берегу. Заметив в воде что-то чёрное, Пират бросился в воду. Но это оказалось просто куском обгоревшего бревна.

— Сходи ты с ним на болото. Может, забудется... — посоветовала мама.

Я побежал в комнату, схватил ружьё и крикнул Пирату:

— За мной, Пират!

Но Пират за мной не пошёл. Он посмотрел на меня с какой-то большой грустью, потом посмотрел на море, шумно вздохнул и, повернувшись, побежал в сторону мельницы, низко опустив голову, мотая своими мягкими ушами. Он ни разу не обернулся.

Я не стал его звать.

Наверно, Пират подумал, что мы утопили его друга.

А. КАРДАШОВА

В ЗАПОВЕДНИКЕ

Жил в лесу один лесничий.
Знал он каждый голос птичий,
Понимал звериный рёв,
Различал полёт совиный,
Слышал в чаще шаг лосиный
И лосёнка тихий зов.

Знал, куда бежит лисица,
В чьём гнезде была куница,
Чей на ветке шерсти клок,
Кто собрал под елью сучья,
Где в лесу нора барсучья
И куда медведь залёг.

А ходил он осторожно
В самой чаще бездорожной,
Не ломился напролом.
По лесам неслышно шёл он,
С лёту тетерев тяжёлый
Задевал его крылом.

Так и жил в лесу лесничий.
Понимал он голос птичий,
Понимал звериный вой,
Ни на воле, ни в берлогах
Никогда зверей не трогал.
Звери знали: это свой.

10260

На этой картинке изображены двадцать четыре различных предмета. Найдите силуэты этих предметов на тени в середине рисунка.

Рисунок на обложке А. Ромодановской и А. Ермолаева

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ
Рукописи не возвращаются
Техн. редактор З. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать пятый | Цена 1 руб. | Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д-3-20-90, доб. 1-06.
Подписано к печати 22/X 1948 г. А09916 Объем 3 печ. л.
2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 1884.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущевская, 21.
Отпечатано на ф-ке им. Дунаева зак. 844-Д

5 ДЕК 1948